

АНДРЕЙ КИВИНОВ

Кошачий
коготь

АНДРЕЙ КИВИНОВ

Кошачий коготь

РУССКИЙ ПРОЕКТ

Андрей Кивинов

Поп-корн

«Автор»

Кивинов А. В.

Поп-корн / А. В. Кивинов — «Автор»,

ISBN 5-224-04427-8

Долгожданная новинка от Андрея Кивинова, по книгам которого сняты любимые миллионами зрителей телесериалы «Улицы Разбитых Фонарей» и «Убойная Сила».

ISBN 5-224-04427-8

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

Андрей Кивинов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Андрей Кивинов

Поп-корн

Назойливый свет уличного фонаря, проникающий через плохо задёрнутые шторы, бил точно в правый глаз, не давая заснуть. Я перевернулся на другой бок, но это не помогало, казалось, свет отражается от спинки дивана. Придётся опять встать и поправлять штору. Пять минут назад я вставал, чтобы выключить обогреватель. В ординаторской слишком душно. До этого мне мешало тиканье будильника, пришлось сунуть его в шкаф. А может, я просто маялся бессонницей. Надо было дёрнуть граммов сто после вечернего обхода. Или почитать криминальный бестселлер. Говорят, хорошее средство. На третьей странице засыпаешь здоровым, крепким сном.

Когда я, ворча, влезал в ботинки, в стеклянную дверь едва слышно постучались. Настенные электронные часы высвечивали полночь. Боже, кого там ещё принесло? Нет, сладких снов мне сегодня не видать. Нашупав в темноте выключатель, я зажёл настольную лампу и отозвался.

– Да, войдите.

Это был рыжеволосый больной из четвёртой, отдельной коммерческой палаты. Длинный и нескладный, чем-то напоминавший сильно похудевшего игрушечного Буратино на шарнирах. Или скорее, простодушных и рассеянных героев Пьера Ришара из ранних комедий. Три недели назад его доставила «скорая». Кажется, его зовут Дмитрием Андреевичем. Фамилия замысловатая, не помню. Двадцать восемь лет, перелом носа со смещением, перелом челюсти в двух местах, сотрясение головного мозга, состояние удовлетворительное. Травма получена при неизвестных обстоятельствах. По крайней мере, так записано в карточке. Опыт подсказывал, что вряд ли больной поскользнулся или упал со ступенек эскалатора. Мозг рыжего бедняги сотрясали путём грубого воздействия тяжёлого предмета на лицевую часть черепа. Скорее всего, кулака или бейсбольной биты. Впрочем, меня это мало интересует. Моя задача залатать челюсть, а с тяжёлыми предметами пусть милиция разбирается, которая, кстати, уже навестила пациента. И даже зачем-то выставила круглосуточную вооружённую охрану – двух крепышей в камуфляже. Из чего следовал вывод, что пациент – особо важная персона, хотя, каким общественно-полезным трудом занимается в этой жизни, я не представлял и близко.

Сегодня я снял ему шину, и теперь он мог полноценно общаться с окружающим миром. До этого приходилось объясняться на языке жестов, либо посредством письма. Ему, если можно так сказать, ещё повезло – не пришлось вживлять в челюсть титановую пластинку. Тогда б ещё месяц он молчал и принимал жидкую пищу через специальную трубочку.

– Простите, Павел Валерьевич. Вы не спите?

– Нет, – раздражённо ответил я, щурясь от света лампы.

Спать на дежурстве нам вообще-то не рекомендуется, но, как говорит одна реклама, правды существуют для того, чтобы их нарушать. Здравоохранение державы абсолютно не пострадает, если часок-другой я прикорну на скрипучем диване.

– Что случилось?

– Ничего, абсолютно ничего... – Парень, смущаясь, подошёл к столу, сунул руку под пиджаму и извлёк небольшую чёрную бутылку. – Просто мне тоже не спится... У меня тут есть... Может, посидим? За окончание моих мучений?

– Я на дежурстве. И больница, пусть даже небольшая, не ресторан. Когда выпишетесь, тогда и пригласите. Приду с удовольствием. Если не ошибаюсь, Дмитрий Андреевич.

– Сергеевич... Так а чего выписки ждать? – Больной извлёк из пиджамы пару лимонов и импортную баночку с пряной селёдкой. – Главное, дело на поправку пошло. Я ж чисто символически, из уважения, так сказать. За ваше высокое профессиональное мастерство. Это виски.

Настоящее, из Америки. Не Турция какая-нибудь и не Польша. Прямо из Лос-Анджелеса. Сам вёз. Одну бутылку таможня отобрала, а эту сохранил. На особо ответственный случай. Выпьем, поболтаем...

Вероятно, за время вынужденного молчания Дмитрий Сергеевич изголодался по живому общению и с такой голодухи решил наброситься на мою персону. Едва уловимый акцент под-сказывал, что последнее время больной усиленно практиковался в изучении английского либо жил за рубежом. Если, конечно, этот акцент не последствие перелома.

– Послушайте, ступайте в палату. Если не спится, могу дать успокоительное. Я устал и хочу отдохнуть.

– Пожалуйста, пожалуйста... По одной стопочке, и я уйду, – не унимался больной, – за здоровье и родную медицину. Ужасно хочется.

Он осмотрел стол, заметил старый скальпель, торчащий из баночки для карандашей.

– Простите, я воспользуюсь...

Взяв скальпель, он срезал прозрачную упаковку с бутылки и с хрустом свернул пробку.

– Стаканчиков нет, Павел Валерьевич? Илия схожу...

– Не надо, у меня есть, – я понял, что сопротивление бесполезно, а сто граммов, действительно не помешают, иначе черта с два уснёшь.

Свернув одеяло и спрятав его в диван, я извлёк из залежей стола пару пластиковых стаканчиков и поставил их перед ночным визитёром. Тот проворно нарезал скальпелем лимоны и распечатал банку с селёдкой.

– Если закуски маловато, я принесу.

– Хватит.

– Нет, пожалуйста, вы не стесняйтесь, у меня в палате запасов много. Жена накупила, а мне сейчас, кроме каши, ничего и нельзя.

– Хватит, – повторил я.

– Well¹. – Дмитрий Сергеевич разлил виски по стаканам. – Я с содовой так и не привык пить, но вам могу разбавить.

Из второго кармана волшебной шёлковой пижамы на стол переместилась пластиковая бутылка «Швепса». Пижамы, к слову сказать, не принадлежала нашему загибающемуся больничному хозяйству, а, вероятно, была приобретена родственниками пациента по случаю. Что вполне естественно для людей, не стеснённых в средствах, а судя по всему, больной в них не нуждался. Один браслет на запястье тянул на десять моих максимальных зарплат.

– Мне тоже без содовой.

– O'key.

Мы взяли стаканчики, чокнулись и выпили за мои золотые руки. Я не настолько разбираюсь в виски, чтобы определить – настоящее оно или нет. Остаётся полагаться на слова собутельника и надеяться счастливо избежать летального исхода от отравления суррогатом. Закусив долькой лимона, я убрал свой стаканчик в стол, дав понять, что пить больше не буду.

– Напрасно, – покачал головой Дмитрий Сергеевич, присев на стул, – все равно не спите. А если начальства боитесь, то до утра выветрится. Качественная штука. Best.

Да, уснуть теперь вряд ли получится. Виски подействовало не как снотворное, а наоборот, словно бодрящий кофе.

– Я же, говорил, Дмитрий Сергеевич...

– Можно просто Дима, – перебил меня собеседник.

– Я же говорил, Дима, что дежурю, и начальство здесь ни при чем. Могут доставить больного, я должен быть трезвым. Спасибо за виски.

¹ Well (англ.) – хорошо.

Если честно, многие мои коллеги уклоняются от необходимости трезво глядеть на мир в рабочее время, что приводит к казусам вроде забытого в животе пациента тампона или пинцета. Хорошо, не бутылки. С одной стороны, это аморально, а с другой – в какой стране живём? Лично я, во избежание претензий, стараюсь на работе не усугублять. Хотя заядлым трезвенником себя не считаю.

Взяв ещё одну лимонную дольку, я взглянул на его челюсть.

– Где это вас так? Если не секрет, конечно.

– Х-хе, – усмехнулся Дима, – я вам как раз и собирался рассказать. Это весьма любопытно.

Ну все понятно. В отдельной палате можно общаться только с финским унитазом, и никто не услышит душераздирающую исповедь про поход в кабак, заводку и крутой махач с козлами. Про беспредел врагов и собственные мужество и благородство. Все эти истории похожи друг на друга, как одноразовые шприцы или, извиняюсь, пробирки с анализами мочи. Особенно, когда пациент принадлежит к определённым слоям общества. Возможно, мой собеседник как раз оттуда, хотя чисто внешне он больше похож на хронического вкладчика финансовых «пирамид».

– Вы, наверно, думаете, что я надрался в кабаке, завёлся и получил по черепу?

– И в мыслях не было. Вы не очень напоминаете драчуна.

– Да, вы правы, не люблю я драться. Хотя у меня разряд по боксу. В лёгком весе. Ещё в институте заработал. – Дима взял кусочек селёдки и осторожно, словно сапёр, опустил её в рот, после чего, не жуя, проглотил. – Класс! Не овсянка жидкая. Да, так вот, челюсть... История началась аж год назад. Но сначала, Павел Валерьевич, я хотел бы спросить у вас одну вещь...

Насчёт слоёв общества я, похоже, ошибся. Братки подобным образом все-таки не разговаривают. Даже если отошли от дел. Много их полегло на наших столах. Да и сейчас человек пять залечивают боевые раны.

– Есть такое мнение – миром правит случай. Вы согласны с этим? Что в любой момент случай может перевернуть вашу жизнь с ног на голову. И от нас по большому счёту ничего не зависит.

Меньше всего мне хотелось сейчас затевать философские диспуты. Да ещё на какие-то абстрактные темы. Лично меня судьба с ног на голову не переворачивала. Если не считать прошлогоднего падения на гололёде, когда ноги действительно улетели вверх и я заработал перелом шейки бедра. Но судьба здесь ни при чем. Виноваты нерадивые дворники.

– Все может быть, – сжато ответил я. – Хотя есть другое мнение – кто полагается на случай, играет в лотерею. Человек сам хозяин своей судьбы.

– И тем не менее часто бывает и обратное, – Дима направил палец в потолок, – кто-то наверху взмахивает волшебной палочкой, и ты получаешь все, о чем можно мечтать! Причём без особых твоих усилий.

– Смотря, какие мечты... И то, что достаётся без усилий, как правило, с такой же лёгкостью улетает обратно. Поэтому лично я предпочитаю каждый день вправлять кости и накладывать швы, а не ждать подарков с неба. Так надёжнее.

– Наверно, вы никогда не выигрывали в лотерею.

– Я никогда и не играл... Но, кажется, вы хотели рассказать о своей сломанной челюсти, – я решил поторопить собеседника, иначе разговор грозил перейти в занудную, вялотекущую стадию. О превратностях судьбы можно рассуждать до утра, а в итоге получить ноль на выходе.

– Да конечно. – Дима поудобней уселся на стуле. – Но сначала чуть-чуть о себе. Я по образованию технарь, «корабелку» закончил. Спец по судовым силовым установкам. Редкая специальность, главное, низкорентабельная по нынешним временам. Не интересуют нашу тяжёлую промышленность силовые установки моей гениальной разработки. Год в «ящике» стул полировал, потом коньяком палёным на рынке торговал у чёрных... Если честно, не только торго-

вал, чего уж там. Бодяжили в подвале на пару с бывшим участковым. Я, как человек с высшим образованием, отвечал за высокие технологии – печать этикеток, акцизных марок, закатку пробок. Но, клянусь своей сломанной челюстью, ни один потребитель от нашего «дагестанского пятизвездочного» не пострадал. За качеством продукта и санитарными условиями следил сам. Воду только фильтрованную брали. И красители натуральные. Дегустировал лично. Как видите, жив-здоров. Больших денег я за это не получал, но на скромный быт хватало. Жил тогда один, в коммуналке, на Васильевском. Сам-то я деревенский, из глубинки, мать у меня до сих пор там. После армии в Питер перебрался, в институт поступил. На последних курсах комнату снял, а после денег накопил да выкупил её за четыре тысячи.

«Действительно, интригующее начало. Вряд ли кто ещё сможет похвастать такими необычными приключениями. Провинциал, приехавший в большой город за счастьем. Какая редкость».

– Год назад рынок разогнали, трехсотлетие Питера, внешний облик города и прочая пурга. Хозяева подпольное производство временно свернули, решили переждать. Остался, короче, без трудовой копейки. А с запасом, отложенным на чёрный день, долго не протянешь. Денежки они не микробы – сами не размножаются, тем более в неволе. Там-сям покрутился, а после решил в большой бизнес податься. Что я, глупее других? Справлюсь, как-нибудь. Главное, активная наступательная позиция и деловой настрой... Я с вашего позволения повторю. Вы точно не будете?

– Не буду, – кивнув, подтвердил я.

– Well... Одному вообще-то нехорошо, я вам «Швепса» налью. Доставайте стакан.

Пришлось достать. Разлив напитки, Дима произнёс короткий тост за знакомство и опорожнил тару.

– Отличная штука, хотя и самогонкой отдаёт.

– Главное, не втянитесь.

– Не, – убеждённо махнул рукой Дима, – я на нашем подвальном коньяке не сломался, а уж виски мне теперь как лекарство. Да я и не пью особо. Так, по торжественным случаям, вроде сегодняшнего.

Кабы каждый такой случай был для меня торжеством, то сейчас бы я лежал на Северном кладбище, а от памятника несло перегаром. Если б мне, конечно, поставили памятник...

– Да, так я о большом бизнесе, – продолжил Дмитрий Сергеевич, – если честно, может, и не пришла бы мне эта занимательная мысль. Только матушка позвонила. Проведать, как я в городе существую, да о здоровье справиться. Потом про родину рассказывать стала. Нет повести печальнее на свете... Между делом про рыбсовхоз наш вспомнила. У нас озёр много, рыбсовхозы богатые. Были когда-то богатыми, вернее. Мать на таком полжизни, в цеху, аки пчела... А сейчас всё, не нужна никому рыбка. За бесценку сдают, лишь бы купили. Консервный завод акционеры новые раздербанили, рыбу девать некуда. Меня и осенило. А что если там за копейку купить, а здесь за рублик продать. А то и за два. До родины рукой подать, пару суток на машине. Зарегистрирую предприятие, найму грузовик, найду покупателя и буду подсчитывать законную прибыль. Прикинул цену вопроса. Работать, так по-крупному. Тысяч пять для начала надо, минимум. Лучше десять, с учётом накладных расходов и разгула коррупции... Тогда можно закупить пару машин... Помечтал немного, потом на грешную жилплощадь вернулся. Десять тысяч. Кто ж мне даст, за здорово живёшь, начальный капитал. В банке залог потребуют, бизнес-план какой-нибудь, да ещё и проценты повесят. Ну вы знаете, доктор...

Кредиты в банках я до сих пор не просил, но, разумеется, в курсе, как живёт все деловое человечество.

– Знаю.

Пока обещанной интриги я не улавливаю. И даже могу предугадать дальнейший ход событий. Взял деньги в долг, вернуть не успел по независящим обстоятельствам, за что и получил по конопатому носу и скулам. Хотя нет, он что-то говорил о мечте.

– Пришлось идти на поклон к бывшим рыночным компаньонам. – Дима облокотился на стол, аккуратно подперев рыжую голову кулаками. – Компаньоны за небольшой процент указали на нужную дверь и даже отрекомендовали. Без рекомендаций нынче никуда. Человека за дверью звали Шамиль. Свободный бизнесмен из свободной Ичкерии. Нет, не Басаев. Тёзка. Но тоже с бородой и тоже наверняка с кинжалом. Или «Мухой». Встретил он меня, правда, гостеприимно. Выслушал проблему, предложил коньячку. Поинтересовался, когда смогу вернуть долг, есть ли залог? Про залог я честно ответил – кроме коммуналки и слова чести инженера никаких резервов. Сроки обозначил. Два месяца. Возможно, три... «Хорошо. Вот десять тысяч, через два месяца вернёшь двенадцать. Устроит?» Устроит. Это бизнес, ничего не попишешь. Деньги должны приносить бабки. Расписку оставил, подробную анкету заполнил. О последствиях обмана или форс-мажора услышал. Хотя честному человеку такое лучше не слышать. Да и нечестному. Невольно начинаешь пальцы загигать. Все ли на месте?

Фирму зарегистрировал быстро. Подсказали, кому дать. После по оптовикам бросился – рыбу предлагать. Нашёл одного, сводил в японский ресторан, он обещал взять. С автопарком договорился, нанял «КамАЗ» с фурой и «племянником». Это прицеп на их шофёрском языке. Они, как узнали, что рыбу повезу, рефрижератор предложили. Это раза в полтора дороже. Я и прикинул, к чему лишние доллары платить? На дворе зима, морозы под двадцатку. Что на родине, что здесь. Никакой рефрижератор не нужен. Прогноз на всякий случай уточнил. Обещали до середины марта холода. За прогноз, кстати, тоже дать пришлось. Снарядил, в общем, за неделю экспедицию и погнался за наживой. Я вас ещё не утомил?

– Нет, – честно ответил я. Сон прошёл окончательно, а вместо того чтобы страдать от бессонницы на диване, гораздо приятней слушать, как людям ломают кости.

– На родину нормально добрались. К порожняку у гаишников вопросов не было. Рыбку загрузили, бумаги оформили, и назад. Платил я, само собой, не через кассу. Так принято в деловых кругах. Иначе – минус в балансе. Вы в курсе, наверно. В вашей коммерческой палате тоже кассового аппарата нет.

Я согласно кивнул.

– А потом... Эх... – Дима горько усмехнулся и потянулся за бутылкой.

Думаю, пол-литра до конца рассказа ему не хватит. Придётся доставать спирт.

– Подъезжаем к Питеру, а на дворе плюс пять. Оттепель врзала. Циклон какой-то с Гольфстрима... Дождь, как весной.

– Глобальное потепление.

– Мне один хрен. Что потепление, что Господь спросонья зиму с летом перепутал. Рыба от этого тухнет не меньше... Ну ладно, думаю. До базы не сгниёт. За час доберёмся. Добрались... На КПП омонотцы тормозят. Давай, показывай, что везёшь. Не гранаты ли? «Антитеррор» у нас. Я и пошутил, идиот. Да, говорю – гексоген в машине. А в прицепе героин... В общем, мне после уже объяснили, что так шутить с ними противопоказано. Здесь не «Смехопанорама». Ребята сутками стоят. Уставшие, злые. Юмор плохо понимают. «Героин, значит? А ну-ка, давай свой фургон вон на ту площадку, досматривать будем». Я взмолился. Пошутил я, мужики, рыба там. Скоропортящийся товар. Стухнет ведь! «Вот мы и поглядим, что это за рыба, Петросян». Знаете, сколько глядели?

– Думаю, долго.

– Хм... Восемь часов. Эти сменились, другие начали. И что самое обидное, имеют право, гады! Жалуйся потом, не жалуйся! Сам ведь признался. Может, говорят, ты наркоту в рыбы пузыри заложил. Вот мы и прощупаем каждую. На самом деле ничего они не щупали. Меня с водителем в «скворечник» свой посадили, а в машину даже и не залезали...

Дима вновь горько усмехнулся и плеснул на четверть стакана виски.

– В городе ещё пару раз останавливали, но я больше Петросяна из себя не корчил. Сразу отстёгивал, без лишних разговоров. На базу мы только в одиннадцать доползли. А там, кроме охраны, никого. Я оптовику на трубу звонить, а она отключена. Попали. Не к себе ж в холодильник рыбу перегружать. Оптовик только в одиннадцать утра появился. Фуру открыли, а рыбка плавает. В собственном соку. Санитарного врача вызвали экспертизу проводить. Тот понюхал и руки развёл. «Все, не надо экспертизы...»

Собеседник, уже не налив мне «Швепса» и не произнося спич, опрокинул стаканчик. Хотел поморщиться, но это было больно, и он улыбнулся.

– На чем мы остановились?

– На экспертизе.

– Да. Все, сфокусировался, цель вижу... В общем, десять тысяч шамилевских баксов мы благополучно отгрузили на городскую свалку. За две недели до обозначенного в расписке срока.

– Деньги вы не нашли, – предположил я.

– Увы... В институте этому не учили. Позвонил матери, спросил, сколько сможет собрать по родне. Максимум, десятую часть. Хорошо подзалетел. Достоевский и Бальзак, конечно, тоже всю жизнь занимали и не всегда вовремя отдавали, но я не Достоевский. К Шамилю в урочный час не пошёл. Я понимаю – так порядочные люди не поступают. Но испугался я, если честно. Будь это не Шамиль, разумеется, позвонил бы, объяснил ситуацию, отсрочку попросил. А с Шамилем эти разговоры нелепы по сути. Решил, если сам проявится, тогда и расскажу все. Надеялся в глубине души, вдруг он забыл? Человек занятой, да и деньги не очень считает. Десятью тысячами больше, десяти тысячами меньше... Не забыл... На первый раз меня практически не били. Два удара по печени, это просто смех. Мануальная, так сказать, терапия, разогрев перед большим концертом. У подъезда ждали. Двое гостей с солнечного Кавказа. Абдул и Абстул. По размеру их рубильников я сразу понял, что мой первый разряд, увы, бесполезен. Молча взяли меня под руки и подняли в квартиру. По пути я объяснял про форс-мажор, про Гольфстрим, но вскоре понял, что они не в курсе моих рыбных дел. Их задача сугубо конкретна – вернуть долг в максимально короткие сроки. А этому искусству они обучались в лучших бандформированиях своего горячего региона. Когда не только моя комната, но и вся квартира была тщательно обыскана, я получил первый удар. Выйдя из нокаута, вновь пытался доказать свою порядочность, но они не поверили. А может, плохо понимали по-русски. Перед тем, как отправить меня во второй нокаут, обрадовали, что сумма долга вырастает до пятнадцати тысяч, а сроки возврата сокращаются до недели... И если я не уложусь, они проведут ампутацию какой-нибудь частицы моего поганого тела. На выбор, без наркоза... Забрали спрятанные на чёрный день пятьсот долларов и отбыли, оставив меня на холодном линолеуме. Счастье, паспорт не догадались отобрать. Иначе б мне и Джеймс Бонд не помог...

Срезав скальпелем корочку, Дима отправил дольку лимона в рот и осторожно разжевал. Я невольно бросил взгляд на его пальцы. Все были на месте. На ноги я смотреть постеснялся.

– В милицию я не пошёл, – продолжил неудавшийся бизнесмен, – что время зря терять? Меня б и слушать не стали. У Шамиля на руках расписка. Да и деньги я действительно брал. Первые три дня обзванивал всех своих знакомых. Ещё с институтских времён. Бесполезно. Да я особо и не рассчитывал. И сам бы наверняка не дал, позвони мне какой-нибудь приятель с просьбой одолжить по максимуму. Без всяких гарантий. Вы бы вот дали?

– У меня нет пятнадцати тысяч, – уклонился я.

– А если б были?

– Думаю, нет... Мне слишком часто не возвращали долги.

За примером далеко ходить не надо. Месяц назад лежал у нас один серьёзный человек. Видный предприниматель с политическим уклоном. Тоже в коммерческой палате. Ножку

подвернул. Все ждал, когда его сам губернатор приедет навестить. Или, на худой конец, спикер городского собрания. Кредитки между пальцев тусовал, словно шулер карты. Накануне выписки тысячу у меня одолжил. Мол, наличных нет, а хочется врачам сюрприз сделать. Сестра утром в палату заходит, а товарища и след простыл. Ночью через окно ушёл, не рассчитавшись за лечение. Говорят, сейчас где-то баллотируется. Обещает народу бесплатную медицину. Что ж, опыт есть...

– Мне тоже не возвращали, – кивнул Дима, – короче, не нашёл я ничего. Но, как говорится, кто не хочет помочь деньгами, готов помочь бесплатным советом. Советом помог мой институтский староста Вадик Семёнов. Тоже большой специалист по судовым установкам. Испанскими дверьми в строительном магазине торгует. Встретились мы, обсудили критическую ситуацию. «Ты, – говорит, – нашёл с кем связываться. Ещё б у шахида какого-нибудь денег занял». Потом и подбросил идею. Так и так, бежать тебе отсюда надо. Лучше в дальнее зарубежье. В ближнем Абдул с Абстулом тебя все равно достанут. По запаху. У них носы большие, не спрячешься.

Хорошо сказать – бежать... Кроме родного рыбсовхоза нет у меня укромных уголков на земле. А там в два счета найдут. «Есть вариант. Мишку Ефимова помнишь?» – «Конечно». Мишка сокурсник наш, мне курсовые и диплом за валюту делал. Головастый мужик. Не знаю, что он в судостроении забыл. «Так вот, – говорит Вадик, – Мишка сейчас в Штатах, в Лос-Анджелесе. Три года назад уехал счастья искать. Родня там у него какая-то, тётка вроде по отцовской линии. Здесь, в Питере, не сложилась у него жизнь. Ни личная, ни общественная. Даже странно как-то. Звонил недавно, скучает по родимой сторонushке, в гости приглашал. Устроился помощником зубного техника. Протезы лепит. Можно сказать, практически по специальности. Квартиру снимает в русском квартале. Гринкарт получил, ну, это – разрешение на работу. Шиковать не шикует, но на жизнь хватает. Вот ты к нему и езжай...»

В коридоре послышались шаги, скрипнула дверь туалетной комнаты. Дима прервался и слегка помассировал челюсть. Видно, сказала перегрузка после вынужденного молчания.

– Побаливает чуток... Вот здесь.

– Это будет побаливать ещё полгода. А то и больше, – успокоил я собеседника.

– Будем терпеть... Так вот. «Езжай, – говорит Вадик, – продавай срочно комнату, покупай билет. Вызов Мишкина тётка тебе пришлёт жалостливый, дескать, при смерти. На мой адрес. Загранпаспорт есть?» – «Откуда?» – «Сделай. У меня тёща в ОВИРе, за два дня оформят».

Мне сначала эта затея полной чепухой показалась. Америка не Эстония.

Даже гостевую визу хрен после терактов в Нью-Йорке получишь, комнату так быстро не продать, да и вообще, как улизнуть, если Шамиль со своими абреками в спину дышит. Несерьёзно. Хотя, с другой стороны, представишь, как тебе ухо или палец режут без наркоза... А Вадик все давит. Выхода, мол, у тебя другого нет. Атак отсидишься полгодика, мы же слух пустим, что умер ты или в Казахстан уехал. «Почему в Казахстан?» – спрашиваю. «Ну или в Армению. Без разницы. Пусть тебя там ищут. А устанутся тут все, тогда и вернёшься. Глядишь, спецслужбы Шамиля устранят или сам он устранится. Пока у меня поживи на раскладушке, там тебя искать не будут... А насчёт долга особо не переживай. Шамиль эти деньги не за токарным станком заработал и не в институте научном. Ещё себе набасмачит».

Прикинул я, посчитал расходы и махнул рукой – будь, что будет. В Америку, так в Америку. Комнату по дешёвке решил продать, за три тысячи. Чтоб побыстрее. Объявления на столбах расклеил. Тут же звонить стали. Когда Абдул с Абстулом во второй раз нагрянули, я им купчую под нос. Вот, мужики, квартиру продаю, чтоб долг вернуть. Совсем немного собрать осталось. Через три дня все верну, до цента. Они чуть успокоились, не били больше. Даже спросить забыли, где меня теперь искать. До того мои глаза преданностью горели. На другой день Вадик вызов от тётушки притащил и паспорт. Я вещички в чемоданы покидал, и к нему. Новым хозяевам комнаты сказал, что в Сибирь уехал на заработки. Золото мыть. Даже адрес

оставил липовый. Пускай джигиты прокатятся, тайгу посмотрят. Глядишь, заблудятся или на волков голодных нарвутся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.